

П ОЗВОНИЛ Утесову, и в трубке раздался голос — такой знакомый, немножко хрипловатый, с неповторимой «одесской»

интонацией:

— Спасибо за поздравление! Восемьдесят пять — это, конечно, возраст, но на пенсию вовсе не собираюсь: готовлю с оркестром новую программу, которая будет называться — «Любовь нечаянно нагрянет...». Еще предстоит работа над вторым изданием автобиографической книги... Значит, в ленинградской «Смене» не забыли про своего нештатного корреспондента?..

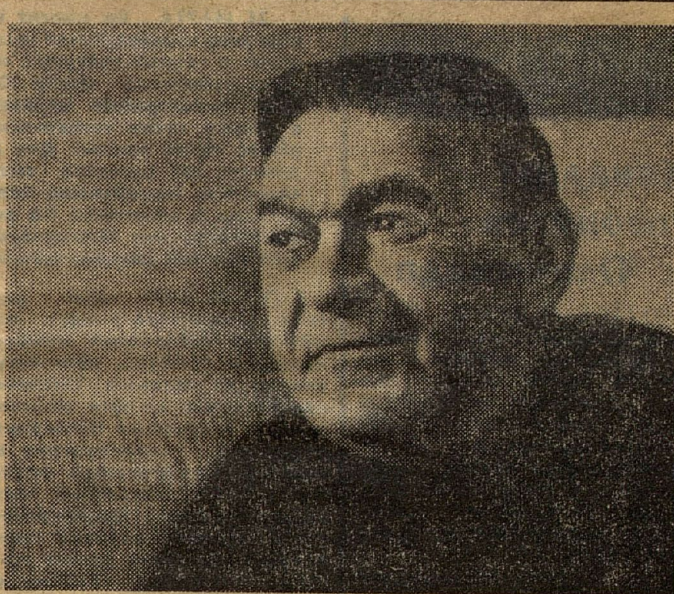
ДА, В ДВАДЦАТЫЕ годы, когда Леонид Осипович играл на невских берегах — в оперетте, в Свободном театре и в Театре сатиры, — на дверях его гримерной висела табличка: «Л. Утесов, нештатный корреспондент «Смены». Он часто бывал на редакционных совещаниях, «летучках» и выступал там не только с речами: читал сменовцам Багрицкого, Бабеля, Зощенко, Уткина... (Между прочим, произведение советских авторов Утесов стал читать на эстраде самым первым). В «Смене» печаталась автобиография артиста...

Все это несколько лет назад я узнал от самого Леонида Осиповича, оказавшись у него в гостях. Сидел в старинном необъятном кресле, которое, наверное, помнит еще Одессу, тот дом в Треугольном переулке, а хозяин кватирки рассказывал:

— За моими выступлениями «Смена» следила внимательно. К примеру, спектакль Свободного театра «Мендель Маранц», где я играл главного героя, в прессе обсуждался бурно, и «Смена» стала за меня стеной. Но случилось, что и доставалось от нее. Навсегда благодарен «Смене» и за то, что газета издала первую программу моего ТЕА-джаза. Храню все-все рецензии...

ПЕРЕБИРАЯ, с разрешения хозяина, и эти рецензии, и многочисленные письма, адресованные ему (а писем тут тысячи!), вчитываясь в строки, полные любви, я, может быть, впервые со всей отчетливостью начал осознать истинный глубинный смысл понятия, заключенного в двух словах — «народный артист». Люди в этих письмах вспоминают о многом, а если сказать совсем коротко — о том, каким необходимым человеком в их жизни был Леонид Утесов и его песни. Почему же такое? Потому, наверное, что судьба артиста и судьбы всех этих людей, имя которым — народ, всегда были слиты неразрывно. И еще потому, что великие события в жизни страны певец всегда воспринимал как события своей собственной, личной жизни. А если это так, то даже в бодрый строй марша вдруг может ворваться неожиданно чуждая нота: «Ты помнишь, товарищ, как вместе сражались, как нас обнима-а-а-ла гроза...». И уже в марше зазвучала высокая печаль, а песня обрела объемность и во времени, и в том ненаучном измерении, которое называется душевностью творчества... А когда в сорок третьем Утесов пел про мальчика из Одессы, про то, как, «уронив на землю розы, в знак возвращения своего, мальчишка не удержит слезы...» (а Одесса-то еще была в руках фашистов), люди вместе с артистом и впрямь ошались в горле комком...

Пронзительный факт: выбив гитлеровцев с небольшого островка, затерявшегося в за-

«Я ПЕСНЕ ОТДАЛ ВСЕ СПОЛНА...»

СЕГОДНЯ
ЛЕОНИДУ ОСИПОВИЧУ УТЕСОВУ —

85 ЛЕТ

болоченной пойме за Свирью, моряки нарекли его именем любимого артиста. Батальонный боевой листок писал об этом:

Мы назвали островок
Именем Утесова.
Лез фашист, а взять
не смог —
Чурна стесеросова...

И вспоминаются еще одни стихи, автор которых — кавалер ордена Славы Михаил Коробченко:

Я помню кровавые слезы
Земли,
И Зоины муки,
и ярость Матросова.
Нас трудной дорогой
к победе вели
И залпы «натуши»,
и песни Утесова...

Удивительное дело: блуждая сотням музыковедческих статей совершенно точно известно, что голоса у Утесова нет, и в то же время его голос знают в каждом населенном пункте нашего Отечества. Потому что, есть ли голос, нет ли его, — главное, видимо, совсем не в этом. Главное — во всех утесовских песнях ошутима душа, сердце. Именно ЕГО душа. Именно ЕГО сердце. Вот почему, наверное, песни Утесова другим исполнителям не даются. Сколько раз пытались, например, «косовременить» тот же «Марш веселых ребят» — что все тщетно: ни у кого эта песня не получалась такой потрясающе жизнерадостной, исполненной не просто энергии, но энергии, вытекающей из мировоззрения и мироощущения... Газета писала, что, когда один молодой, но уже весьма известный певец исполнил «Сердце, тебе не хочется покоя...», выхлясь и дергаясь, рабочий сцены сказал ему строго: «Вы это не трогайте, это не для вас».

Сегодня, когда в моде иные ритмы, когда музыканты, случается, сплошь опутаны электропроводами, а некоторые певцы прежде всего, видимо, стараются поразить слушателя не индивидуальностью своего творчества, а количеством децибелов, обрушивающихся на наши головы, так вот, сегодня поставьте, пожалуйста, на проигрыватель долгоиграющую пластинку с записями утесовских песен. И вы услышите снова — «То не тучи грозовые, облака...», «Лунную рапсодию», «Офицерский вальс», «Дан приказ ему на запад...». И снова не сможете остаться равнодушным, слушая этот го-

лос — такой знакомый, немножко хрипловатый, исполненный лиризма, улыбки, доброты... Голос, с которым в нашем искусстве и в нашей жизни связана Эпоха...

КОГДА-ТО Владимир Николаевич Давыдов, «дедушка русской сцены», один из первых, кто получил звание народного артиста республики, написал на своей фотографии подаренной молодому коллеге: «Многогранливому, милому, крайне симпатичному и сердечно любимому Леониду Осиповичу Утесову на добрую память, душевно желая всего лучшего в жизни и полного успеха на сцене — в чем не сомневаюсь!» Что ж, надежды «дедушки русской сцены» Утесов оправдал. Впрочем, снимков с подобными словами в квартире артиста много. Есть здесь и строки, написанные Дмитрием Борисовичем Кабалевским: «...В своих частых беседах с молодежью о легкой и серьезной музыке я всегда обращаюсь к Вам, как к сообщнику в борьбе против втягивочной чепухи и пакости, против неумного подражания заокеанским божкам, против бесстыдно-неуважительного отношения к своему, отечественному...».

ИЗ ТЕЛЕФОННОЙ трубки доносилось:

— Пусть «Смена» снова напомнит своим читателям, что я обожаю Ленинград. Почему-то люди думают, что самый дорогой для меня город — Одесса. На самом деле — Ленинград. Все, чего достиг в жизни, связано с городом на Неве...

Спасибо, дорогой Леонид Осипович, от имени ленинградцев — и за эти слова, и за ваши песни, и за ваше сердце... И хотя новая программа оркестра, которым вы руководите уже больше полувека, будет называться «Любовь нечаянно нагрянет...», знайте, что наша-то к вам любовь совсем не «нечаянная»... Незря же когда-то вы признались: «Я песне отдал все сполна, в ней — жизнь моя, моя забота. Ведь песня людям так нужна, как птице крылья для полета...».

Л. СИДОРОВСКИЙ

Фото автора